

Нет жаркому Сердцу,
Безысходному свету,
Подспудному, скудному, трудному свету,
Отзвучья земного:
Ты — его лик и подобье небесное,
.....

Ты, исходящее пламеннокрылою,
Царственной,
Дарственной,
Жертвенной силою,
Щедрое Солнце!
(«Псалом солнечный»)

Внешний контраст «темного», «тесного», «пленного» сердца, навеки заточенного в груди, и свободно разлившегося во вселенной, ослепительно светлого солнца снимается их внутренним единством: они равны в общей «жертвенной судьбине» служения человечеству. Поэт меняет местами оба члена сравнения, это дает новые оттенки смысла, усиливает и обогащает аналогию. Солнце — своего рода сердце в «разверстой груди» небес, оно тоже «страдное». Ведь только «распяв» себя, сможет оно обнять вселенную, только расточая свою силу, вершит оно «светлый подвиг» для мира. «Уподобься мне в распяты, / Распрости свое объятье, / И гори, гори, гори!» — призывает людей «планет вожатый» («Завет Солнца»). Идеал альтруистической любви, самоотдачи, служения одного всем — вот та «скрижаль», которую «повелительно» чертит светило в сердцах «чад Геи», детей Земли («Солнце»).

Разумеется, мы выделяем доминанту этого цикла, не отрицая его идейной многосоставности, присущей всему творчеству Иванова. Образ сердца-солнца возник у Иванова на пересечении многих воздействий. Здесь и «тютчевское» переживание единства микрокосма и макрокосма⁴, восходящее, как и у Тютчева, к пантеизму мифа. Здесь и встречающаяся у Ницше символика Солнца — трагического слепца, дарящего другим свет⁵. Здесь и ненавистный Ницше христианский культ страдания, принятого за мир, «сораспятия» человека человечеству. И под всем этим — заповедный для русского демократизма идеал гражданственности, отвергавшей разобщение личности как вящее зло. Именно в «семидесятичестве» молодого Иванова и коренился принципиальный антииндивидуализм, ставший стержнем его духовного мира. Пусть идея общественного служения примет у филолога-эрудита самые мудреные и разные обличья — для нас важен вектор его нравственно-социальных исканий.

Заветы народолюбивого гуманизма, генетически воспринятые Ивановым от русской мысли и литературы, явились решающим противовесом этике Ницше. При всей увлеченности идеями автора «Происхождения трагедии», Иванов ницшеанцем не стал. Мечтавший «весь мир подвигнуть / Ко всеобъятию»⁶, поэт не принял морали «сверхчеловека». «Он прочел Ницше глазами русского интеллигента»⁷, трактуя сверхчеловеческое как всечеловеческое. В статье «Идея сверхчеловека» (1899) Вл. Соловьев перетолковывал центральное понятие этики Ницше в духе традиций русской общественности: путь сверхчеловека — тот путь, по которому «шли, идут и будут идти многие на благо всех»⁸. Подобную рецепцию этого понятия мы находим и у Иванова, увидевшего «в ницшеанском... пророчествовании о Сверхчеловеке» симптомы «истощения индивидуализма»: «крайнее дерзновение индивидуального духа переходит в свою противоположность: в отрицание индивидуума ради идеи вселенской»⁹.

⁴ См. также стихотворение Иванова «Небо — вверху, небо — внизу» (1908, «Сор арденс», I).

⁵ К той же символике обратился Иванов и в своей трагедии «Тантал» (1905). См. Альтман М. С. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым, 1921. — «Уч. зап. Тартуского университета», вып. 209. Тарту, 1968, с. 306.

⁶ Слова героя ранней поэмы Иванова «Ночь в пустыне» (из сб. «Кормчие звезды»).

⁷ Аверинцев С. Поэзия Вячеслава Иванова. — «Вопр. литературы», 1975, № 8, с. 152.

⁸ «Мир искусства», 1899, № 9, с. 91.

⁹ Вячеслав Иванов. По звездам. Статьи и афоризмы. СПб., «Оры», 1909, с. 95, 50.